

Анна Анатольевна Забияко

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

(Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия)

Екатерина Владимировна Сенина

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

(Московский Государственный Институт Международных Отношений, Москва, Россия)

Образ восприятия Китая и китайцев в культуре и литературе дальневосточной эмиграции

The way of perception of China and Chinese in the Russian emigration culture and literature

Summary: The authors of the article focus on the way of perception of China and Chinese in the culture and literature of the Eastern branch of the Russian emigration. After the Revolution of 1917 and the Civil war Harbin with its Russian genesis and cultural basis become a shelter for hundreds of thousands of Russian refugees. The Russian residents of Harbin (harbintsy) maintain close contacts with the peoples of Northern Manchuria in everyday life getting familiar with their customs and tradition. The Russian emigration literature has developed a special image of perception of China and Chinese, which is reflected in N. Baykov, P. Shkurkin, V. Mart, M. Scherbakov, B. Yulsky. The most versatile and representative images of perception of China and Chinese are represented in lyrical, epic, liro-epic A. Nesmelov's works. These images fix various points of view of the inhabitants of Harbin – those, who despite of their remoteness from Chinese culture have to cohabit with it, as well as the representatives of the intellectuals with their interest to the other culture and ethnographic studies.

Key words: image of perception, Far East emigration, Far East frontier, ethnocultural contacts, culture and literature, A. Nesmelov

Аннотация: Авторы статьи исследуют образ восприятия Китая и китайцев, сложившийся в культуре и литературе восточной ветви русской эмиграции. Данный образ сложился в первой половине XX в. на территории дальневосточного фронта, в Харбине и по линии КВЖД, окруженными маньчжурской тайгой. После 1917 г. и Гражданской войны русский город Харбин, становится домом для сотен тысяч русских беженцев. Русские харбинцы тесно контактируют с местным населением на бытовом уровне, а также исследуют обычаи и традиции жителей Северной Маньчжурии. В литературе восточной ветви особый образ восприятия Китая и китайцев отражен в творчестве Н. Байкова, П. Шкуркина, В. Марта, М. Щербакова, Б. Юльского. Наиболее разноплановыми и репрезентативными представляются образы восприятия Китая и китайцев в лирическом, эпическом, лиро-эпическом творчестве А. Несмелова. Эти образы фиксируют точку зрения харбинских обывателей и далеких от китайской культуры, но волею судьбы вынужденных общаться с инокультурой, представителей интеллигенции, ученых, связанных с интересом к инокультуре и этнографическими изысканиями.

Ключевые слова: образ восприятия, дальневосточная эмиграция, дальневосточный фронт, этнокультурные контакты, культура и литература, А. Несмелов

Опыт совместного проживания русских и китайцев на территории Северной Маньчжурии, в Харбине, в 20–50-е гг. XX в. определялся специфическими обстоятельствами складывания эмигрантского сообщества по линии КВЖД и в самом г. Харбине. Полоса отчуждения и прилежащие к ней территории Северной Маньчжурии являлись территорией дальневосточного фронта – контактной зоной в Азиатско-Тихоокеанском регионе, по определению Андрея Павловича Забияко (Забияко 2010: 5–10). Здесь в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия с середины XIX в. соединились судьбы русского и китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения; сформировались психологические, языковые и культурные границы совместимости этносов. Данные обстоятельства прямым образом определяли специфику восприятия русским населением Харбина и прилежащих к нему территорий «чужих» признаков «чужой» территории, «чужого» этноса, «чужих» обычаев и традиций: с одной стороны, стремление обозначить свою «русскость», консервативное отношение к контактам с «чужой» культурой, нежелание учить китайский язык, с другой стороны – открытость в восприятии инокультуры.

Геополитическая и пространственная ориентированность русского населения полосы отчуждения и, главным образом, Харбина, влияли на изоляционистские настроения по отношению к инокультуре. Сказывалась и разница этносоциального состава населения линии КВЖД и полосы отчуждения. При общем количестве жителей (300–350 тыс. человек) русских жителей Харбина насчитывалось 165 857 человек. Основную массу русских накануне 1917 г. составляли железнодорожники и их семьи, гражданское население, занятое торговлей, образованием, здравоохранением, казаки-замурцы и семьи казаков, прибывавшие на лето из Забайкалья. После 1917 г. к ним добавились городские обыватели и мелкие торговцы, чиновники и учителя, врачи и инженеры, крестьяне из приграничных районов и рабочие, политические деятели и члены различных «временных правительств», университетские профессора, журналисты и литераторы (Аблова 2004: 122–123). Китайское население Северной Маньчжурии только с конца XIX в. стало пополняться жителями провинций Шаньдун и Хэбэй, мигрировавшими в эти края в поисках заработка либо скрывавшимися от властей; оно было представлено, в основном, торговцами, рабочими, крестьянами, обслуживающим персоналом. Его многонациональный состав включал маньчжуров, ханьцев, корейцев, монголов и т.д. Большую проблему для мирного населения представляли хунхузы – субэтнос и субсоциум (Ершов 1931: 34).

После революции и Гражданской войны Харбин становится для русских изгнанников, потерявших родину, дом, семьи, идеальным пристанищем, городом «из прошлого» (Забияко 2008: 39–51, Аблова 2004: 121–125). Практически все представители этнических групп бывшей России воспринимали русский язык как признак этнической общности, русскую культуру и литературу – как хранилище исторической памяти (Забияко 2015: 11). Огромную этнорегулирующую и этноинтегрирующую роль играла православная вера – в противовес «чужим богам», «чужой вере» местного населения. В городе действовали русские храмы, работали русские театры и кинотеатры, одна за другой возникали русские школы, гимназии,

открывались университетские кафедры (Таскина 1994: 192, Крадин 2001: 352, Мелихов 2003: 68–129). Строго различались русские и китайские районы: так, в китайский район Фудзянянь русские практически не ходили. Китайцы также не селились в русских кварталах. То же самое можно сказать и об организации образовательного процесса: русские и китайские дети, студенты учились, как правило, отдельно.

При этом задолго до 1917 г., когда начинается превращение Харбина в центр русской эмиграции, он становится одним из ведущих центров практического востоковедения в Азии. Амир Александрович Хасамутдинов отмечает: «для строительства и обслуживания КВЖД, работы на предприятиях и в организациях, возникавших вокруг неё, сюда приезжали тысячи людей из России. Прежде всего, это были инженеры-путейцы, главным образом, выпускники Института инженеров путей сообщения (Санкт-Петербург). Большую роль сыграли также выпускники Восточного института во Владивостоке. Многие из них вначале служили переводчиками для русских инженеров, затем обучали служащих КВЖД восточным языкам, а ещё позднее стали преподавателями китайского языка для русских студентов и русского языка для китайских граждан в вузах на территории Китая. <...> Стремление российских специалистов к повышению квалификации и культурного уровня, самообразованию, просветительской деятельности обусловило то, что многие, приехав в Китай, помимо основной работы, стали заниматься изучением экономики, истории, географии, культуры Маньчжурии и соседних территорий» (Хасамутдинов 2015: 99–100). В 1909 г. было образовано Общество русских ориенталистов (ОРО), в задачи которого, в частности, входило изучение Восточной и Средней Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними; освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям. Сотрудниками ОРО с самых первых лет его возникновения являлись Павел Васильевич Шкуркин, Николай Аполлонович Байков, Алексей Павлович Хионин, Николай Павлович Автономов и др. – не только прекрасные востоковеды, но и востоколюбцы (ВМИ 1942: 336). В 1922 г. ОРО соединился с ОИМК (Обществом изучения Маньчжурского края) (Хасамутдинов 2015: 115). Среди основателей ОИМК, помимо русских исследователей – Эдуарда Эдуардовича Анерта, Виктора Владимировича Гагельстрёма, Павла Николаевича Меньшикова, Александра Васильевича Спицына, Бориса Васильевича Скворцова, Павла Васильевича Шкуркина и других – было немало китайцев. Многие русские журналы и газеты, которые издавались в Харбине с начала его основания, публиковали статьи и очерки о жизни Китая и китайцев, а также других стран и народов Восточной Азии – это объясняется тем, что зачастую эти публикации готовили сами ученые или люди, ориентированные на просвещение русского населения (Забияко 2016: 308, Эфендиева 2015: 302–329, Забияко 2014: 192–202).

Попытки «вживания» русской интеллигенции в инокультурную среду через китаеведческие исследования, этнографические и археологические изыскания, чтение и переводы китайской литературы, увлечение китайской культурой не противоречат

общему изоляционистскому настрою обывателей русского Харбина. Однако культура – многослойное явление, предполагающее сложные пути и механизмы взаимодействия элитарного и народного, материального и духовного уровней. Русские беженцы попали в Харбин не из дворцов и не во дворцы, а зачастую жили и питались бок о бок с китайцами и маньчжурами, охотились с ними, работали в мастерских, ресторанах и типографиях. Китайские, маньчжурские, русские дети играли вместе во дворах. Праздники тоже были общими: Пасха и Чуныцзе, день Полнолуния и Рождество (Иванов 1928: 4). А когда в семье не было денег, китайские лавочники давали русским продукты в долг – до лучших дней (Забияко 2015: 182). На стыке этих тенденций бытования фронтальной культуры и возникает специфический образ восприятия Китая и китайцев в литературе дальневосточной эмиграции.

Художественное освоение чужой страны и населяющих ее народов русские писатели-эмигранты в Китае осуществляли разными путями, в зависимости от художественной установки, предшествующего опыта, возможностей. Отчетливо различаются образы восприятия Китая и китайцев у тех, кто оказался в Северной Маньчжурии в начале века, до революции и уже после Гражданской войны, в творчестве «старшего» и «младшего» поколения эмигрантских писателей и поэтов, а также у «городских» писателей и поэтов (завсегдатаев литературных салонов, студий, творческих объединений) и у художников слова, знакомых воочию с жизнью тайги, обычаями и нравами ее обитателей.

Писатели, попавшие в Маньчжурию задолго до революции – П. В. Шкуркин, Н. А. Байков – были не просто художниками слова и учеными, но и военными, выполняющими определенную миссию в данном регионе. Они воспринимали эти пространства как органичное продолжение дальневосточных территорий Российской империи, сферу интересов своего государства. Знание китайского языка, необходимость повседневных контактов с местным населением (П. В. Шкуркин) и таежными обитателями (Н. А. Байков), сопричастность к нелегким условиям жизни и трудным ситуациям в условиях дальневосточного фронта сформировали в их творчестве уникальные пространственно-временные образы восприятия (Маньчжурская тайга – *священное место*, где действуют законы *священного времени*), образы восприятия фронтальных религиозных традиций («Закон тайги», Повелитель Леса и гор, Корень жизни, священные животные и растения), образы восприятия китайского населения Северной Маньчжурии во всем его этническом многообразии и этнической самобытности: маньчжуры, монголы, ханьцы; хунхузы. Совокупность форм такого образного восприятия легли в основу художественной этнографии дальневосточного фронта (Забияко 2016: 21–58).

Революционные события, превращение Северной Маньчжурии из протектората России в эмигрантское прибежище, последовавшие за этим изменения в государственном статусе КВЖД и полосы отчуждения на определенное время отодвинули в сторону результаты развития художественной этнографии П. В. Шкуркина и Н. А. Байкова. После 1920 г. Н. А. Байков, вернувшись с фронтов Гражданской войны снова в Маньчжурию, продолжил развивать это направление, к которому присоединились Венедикт Март, Михаил Щербаков, Борис Юльский (Забияко 2016: 437).

Среди тех, кто стал развивать литературу в Харбине после эмиграции, было много выходцев из южных районов Сибири, Забайкалья, Приамурья, Приморья – тех земель, что были исторически близки к Китаю (например, Алексей Ачаир, Марианна Колосова, Венедикт Март, Борис Бета др.). Вместе с особым «чувством ландшафта» дальневосточные изгнанники принесли с собой в эмиграцию и опыт межкультурной интеграции, характерный для народов, населяющих эти территории Российской империи (Забяко 2009: 114). От восприятия Маньчжурии как страны изгнания (пространства «чужого») старшее поколение эмигрантов постепенно переходит к осознанию того, что эти пространства и этнокультурные универсалии китайской жизни даруют «покой» измученным беженцам (Ли 2009: 19–32, Забяко 2009: 144–159). Не случайно после апофеоза перемен – пережитых военных неудач и потерь, Леонид Ещин воскликнет, обращаясь к Божьей Матери:

И, занывши от старых ран,
Я молю у Тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами».
(*Беженец*) (Ещин 2005: 30).

Борис Бета в *Маньчжурских ямбах* выразит свой идеал существования русского беженца-поэта:

На скользкую циновку есть,
Свинину палочками есть
И чаем горьким запивать;

Потом курить и рисовать,
Писать на шелке письма –
И станет жизнь моя ясна,
Ясна, как сами письма... (Бета 1935)

Как подчеркивает Ли Иннань, ощущение и приятие «покоя» как особой ценности, сближающее китайское и русское сознание, зиждется на понимании того, как важно русскому человеку «ощущение непрерывности времени, привязанности к родной земле» (Ли 2009: 25). Потому столь притягательной для русских изгнанников становится этнокультурная универсалия китайцев – почитание предков и их могил, где «дедовские холмики средь пашен/ шепчут внукам вещи слова», передавая своим потомкам «мудрость предков и покой земли» (Хаиндрова 1941: 34).

Молодые дальневосточные писатели, многие из которых родились в Маньчжурии или были привезены туда детьми, воспринимают местные маньчжурские реалии как свои, родные. Валерий Перелешин, свободно владевший китайским языком, сетовал: «Но когда бы ведать, что с детства / Я Китаю был обручен, / Что для этого и наследства, / И семьи и дома лишен – / Я б родился в городе южном / В Баошане или Ченду, / Именитом, степенном, дружном, / Многодетном старом роду. / Мне б мой дед, бакалавр ученый. / Дал бы имя "Свирель луны" / или тише: "Луч тишины"...» (Перелешин 1947).

Наиболее репрезентативным, на наш взгляд, представляется отражение образов восприятия Китая и китайцев в творчестве А. Несмелова. Будучи русским

дворянином из известной московской семьи, братом писателя, воевавшего в русско-японской войне, белопоходником, попавшим в Харбин после Гражданской войны и передышки во Владивостоке (Забяко, Резвый, Ефендиева 2015: 3–9), Арсений Несмелов был далек от фронтального восприятия пространственно-временных и религиозных координат Маньчжурии. Китайского языка он не знал, учить не пытался. При этом был художником, чутко реагирующим не только на литературный и общественный запрос – Несмелов способен был предвосхищать в творчестве некоторые находящиеся только в стадии формирования научные направления (Забяко, Резвый, Ефендиева 2015: 3–9).

Попав в Харбин в первой половине 1920-х гг., Несмелов долго «осматривался» и только к началу следующего десятилетия обратился к «китайским картинкам» в лирике. В этих опытах Китай и Маньчжурия – образы по большей части отстранённо-литературные. Первое стихотворение о Китае – *Легенда о драконе* (1927) будет опубликовано Несмеловым в советском журнале *Сибирские огни* и целиком будет совпадать с актуальным именно для советского сознания образом восприятия Китая как экзотической страны, поднимающейся на борьбу с иностранцами. Легенду о драконе-Янцзы, пожравшем первый английский пароход, Несмелов проецирует на современную революционную ситуацию на юге Китая: «Из дыма их / На аспидные кручи / Окрасив в пурпур / Блеклый небосклон, / Неслышно выполз / Сказочно могучий / Тысячекрылый / Огненный дракон... // Прошли года, / Прошли десятилетия, / Развезя сказки / Рухнувший уют, / Но, / Как тогда, / И в это лихолетье, / Преданье вспоминают / И поют...» (*Сибирские огни* 1927). Стихотворение обнажает внутреннее понимание Несмеловым китайской ментальности: китайцы не забыли унижений, испытанных за годы опиумных войн, и такая легенда вполне могла бытовать в народном сознании в качестве этнопсихологической компенсации.

В начале 1930-х гг. Несмелов воссоздает образ Китая с налётом футуристической вычурности и одновременно – с органичным вплавлением китайских реалий, бытового ощущения разлитой вокруг китайской культуры (*В Китае* 1932; Несмелов 1932). Прожив в Маньчжурии 8 лет, лирический герой Несмелова все еще не может привыкнуть к «чужой» окружающей обстановке: «Ворота. Пес. Прочавкали подковы, / И замер скрип смыкающихся створ. / Какой глухой, какой средневековый / Китайский этот постоялый двор...» (*Из китайского альбома*) (Несмелов 1932). При этом в повествовательной лирике поэт метко фиксирует адекватный китайскому восприятию «национальный облик китайцев» – простых крестьян (Ли Иннань): «Китаец, до пояса голый, / Из бронзы загара литой, / Не дружит с усмешкой весёлой, / Не любит беседы пустой. / Уронит гортанное слово / И вновь молчалив и согбен – / Работы, заботы суровой / Влекущий, магический плен» (*Гряда, Юли-юли*) (Несмелов 1935).

О демократической традиции восприятия инокультуры русской эмиграцией Несмелов напишет в своей незаконченной «энциклопедии харбинской жизни» – поэме *Нина Гранина*: «Английский боу и русский бойка – / Совсем не то, уверю вас, / У нас совсем, совсем не стойка / Надменность в отношеньи рас; / Нам все равно, каков ты кожей, / Какие признаки на роже, / Коль ты попал под сень крыла / Самодержавного

орла; / Мы говорим: не супостатом / Отныне будешь ты, а братом. / Для нас уже различья нет, / Татарин родом ты иль швед...» (Несмелов 2006: 448).

Несмелов обратится в поэме к образу боя Василия (как общего именованья всех китайских слуг-боев) и к анализу самого харбинского социокультурного явления: «Василий этот (сколько с Васей / Перекрестили мы маньчжур!), / Рожденный Богом в чуждой расе, / Конечно, Ван был или Чжу, / Но откликался без усилья / На Ваську он и на Василья, / Обиды в сердце не тая; / При помощи «моя-твоя» / Он объяснялся с «капитаном» / И был всегда служить готов, / С бокалами или стаканом / Являясь вмиг на первый зов» (Забияко 2009: 148). Не случайно потому уже в рассказе *Портрет Луки Паччиоли* (1944) бой Василий самоотверженно спасёт своего русского хозяина от русского же грабителя. Писатель не будет пространно объяснять мотивацию поступков Василия: такие этнические нормы поведения – плоть от плоти китайского понимания семьи (Забияко 2016: 403–417). Китайский слуга (бой) сроднился с русскими хозяевами, так же, как и они с ним (Несмелов 1944).

Китайская реальность для лирического героя Несмелова – это не только китайские дворики и харчевни, китайцы-перевозчики, крестьяне, торговцы, слуги-бои, но и – хунхузы. К образам восприятия хунхузов Несмелов обращается и в поэзии, и в прозе, при этом обнаруживая присущее уже харбинской реальности понимание явления «хунхузничества» как социального зла и одновременно – понимание того, что этот социум плоть от плоти китайской ментальности (*Хунхуз*) (Несмелов 1938: 139).

В авантюрном рассказе о суровых буднях Гражданской войны *Игра на мясе* (Забияко, Резвый, Ефендиева 2015: 166–171) два красных партизана, уцелевшие после уничтожения отряда японцами, блуждают по Приморской тайге и попадают к хунхузам. Хунхузский командир проникается к ним симпатией – один из партизан свободно говорит по-китайски, к тому же партизаны воюют с японцами, лютыми врагами китайцев. В теплой атмосфере китайского гостеприимства партизаны становятся свидетелями игры в кости (на мясо), когда самому командиру вырезают кусок живота. На утро бедолага, еле живой, но не потерявший лица (китайский этос) и не утративший веселости духа, прощается со своими гостями вполне добродушно. Этнокультурное резюме отправившихся далее русских таково: «Ну и люди! А в общем ничего... Только дикари очень... На мясо играть!» (Забияко, Резвый, Ефендиева 2015: 171). Читатель вправе сам составить для себя мнение по поводу данного этнографического опыта.

Отдельного внимания заслуживает обращение Несмелова к проблемам маргинализации этничности, возникающей в результате русско-китайских браков либо вынужденной изолированности русских от своих собратьев и погружении их в китайскую среду (стихотворение и рассказ *Ламоза* (1940), повесть *Драгоценные камни* (1941) (Забияко 2009: 151–159). Харбинский писатель стал одним из первых, кто, создавая образ восприятия китайцев в литературе, обозначил на конкретных ситуациях границы этнорелигиозной и этнокультурной совместимости русских и китайцев. В рассказе *Ламоза* русский мальчик Сережа, воспитанный китайцем, не по своей воле лишен возможности слышать русскую речь и жить русской жизнью – в силу именно этих причин он страдает от своей этнической неприкаянности и погибает. В повести *Драгоценные камни* русские женщины, вышедшие замуж за

китайцев, и их дети сами принимают китайскость как спасение в сложной социально-политической обстановке.

Таким образом, творчество харбинского писателя А. Несмелова достаточно полно представляет собой образ восприятия русской эмиграцией Китая и китайцев. Это взгляд русского человека, бок о бок находящегося рядом с китайским окружением, но не ассимилирующего в нем. Предвосхитив этнологические концепции середины XX в., этнографические наблюдения за процессами метисации русских и китайцев в политическом пространстве российско-китайских отношений (Забияко 2009: 144–160, Забияко, Кобызов, Понкротова 2009: 141–154), Несмелов размышляет о витальности китайского и русского этносов, степени их жизнеспособности, возможности сохранения этничности в инокультурном окружении и потенциале этнической совместимости.

В целом, литература и публицистика дальневосточной эмиграции, практически свободные от политических установок и социального заказа, смогли запечатлеть традиционный образ жизни, религиозные традиции, социально-политическое устройство китайского населения первой половины XX в., их поведенческие этнические стереотипы, в том числе – этнические установки по отношению к русским. В настоящее время этот материал является ценным источником исторической, этнографической и литературоведческой реконструкции процессов, протекающих на территории дальневосточного фронта в первой половине XX в.

Литература:

- Аблова Н.Е., 2004, *КВЖД и российская эмиграция в Китае*, Москва.
- Бета Б., 1935, *Маньчжурские ямбы*, «Врата» Кн. 2, Шанхай.
- ВМИ, 1942, *Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею, 1932–1942*, Гордеев М.Н., Харбин.
- Ершов М.Н., 1931, *Современный Китай и европейская культура*, Харбин.
- Ещин Л.Е., 2005, *Собрание стихотворений*, Москва.
- Забияко А.А., 2008, *Социокультурный портрет создателей «харбинской ноты»*, [в:] *«Четверть века беженской судьбы...» Художественный мир лирики русского Харбина*, ред. Забияко А.А., Эфендиева Г.В., с. 39-51.
- Забияко А.А., 2014, *«Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции*, «Религиоведение» № 4, с. 192-202.
- Забияко А.А., 2016, *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина*, Новосибирск.
- Забияко А.А., Резвый В.А., Эфендиева Г.В. (ред.), 2015, *В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии*. Научное издание, Благовещенск.
- Забияко А.П. (ред.), 2009, *Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке*, Благовещенск.
- Забияко А.П., 2010, *Порубежье*, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» Вып. 9, с. 5-10.

- Забияко А.П., 2015, *На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации*, [в:] *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, ред. Забияко А.П., с. 3-14.
- Иванов Вс.Н., 1928, *Китайский Новый год*, «Гун Бао» 22. 01. с. 4.
- Крадин Н.П., 2001, *Харбин – русская Атлантида*, Хабаровск.
- Ли И., 2009, *Образ Китая в русской поэзии Харбина*, «Русский Харбин, запечатленный в слове» Вып. 3, с. 19-32.
- Мелехов Г.В., 2003, *Белый Харбин: Середина 20-х*, Москва.
- Несмелов А., 1932, *Из китайского альбома*, «Феникс» № 2.
- Несмелов А., 1932, *В Китае*, «Азия» № 2.
- Несмелов А., 1935, *Гряда*, «Феникс» № 14.
- Несмелов А., 1938, *Хунхуз*, «Полустанок», с. 139.
- Несмелов А., 1944, *Портрет Луки Паччиоли*. «Рубеж» № 7.
- Несмелов А., 2006, *Собрание сочинений: Стихотворения и поэмы*. Том 1, Москва.
- Перелешин В., 1994, *Заблудившийся аргонавт*, «Мы жили тогда на планете другой...»: *Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990 (первая и вторая волна)*, Кн. 4, с. 124–126, ред. Витковский Е. В., Москва.
- Таскина Е.П., 1994, *Неизвестный Харбин*. Москва.
- Хаиндрова Л., 1941, *Китайская пашня*, «Крылья», с. 34.
- Хисамутдинов А.А., 2015, *Изучение Китая русскими исследователями из Харбина. Общество русских ориенталистов (Харбин)*, [в:] *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, ред. Забияко А.П., с. 99–100.
- Эфендиева Г.В., Родионова К.И., 2015, «Рубеж» как источник этнографического знания о народах Восточной Азии, «Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур» Вып. 11, с. 302-329.

References:

- Ablova N.E., 2004, *KVZHD i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye*, Moskva.
- Beta B., 1935, *Man'chzhurskiye yamby*, «Vrata» Vol. 2, Shankhay.
- Efendiyeva G.V., Rodionova K.I., 2015, «Rubezh» kak istochnik etnograficheskogo znaniya o narodakh Vostochnoy Azii, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur» Vol. 11, pp. 302–329.
- Ivanov Vs.N., 1928, *Kitayskiy Novyy god*, «Gun Bao» 22. 01. p. 4.
- Khaindrova L., 1941, *Kitayskaya pashnya*, «Kryl'ya», p. 34.
- Khisamutdinov A.A., 2015, *Izucheniye Kitaya russkimi issledovatelyami iz Kharbina. Obshchestvo russkikh orientalistov (Kharbin)*, [in:] *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira*, Zabiyako A.P. (ed.), pp. 99–100.
- Kradin N.P., 2001, *Kharbin – russkaya Atlantida*, Khabarovsk.
- Li I., 2009, *Obraz Kitaya v russkoy poezii Kharbina*, «Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove» Vol. 3, pp. 19-32.
- Melekhov G.V., 2003, *Belyy Kharbin: Seredina 20-kh*, Moskva.

- Nesmelov A., 1932, *Iz kitayskogo al'boma*, «Feniks» № 2.
- Nesmelov A., 1932, *V Kitaye*, «Aziya» № 2.
- Nesmelov A., 1935, *Gryada*, «Feniks» № 14.
- Nesmelov A., 1938, *Khunkhuz*, «Polustanok», p. 139.
- Nesmelov A., 1944, *Portret Luki Pachchioli*. «Rubezh» № 7.
- Nesmelov A., 2006, *Sobraniye sochineniy: Stikhotvoreniya i poemy*. Vol. 1, Moskva.
- Pereleshin V., 1994, *Zabludivshiy argonavt, «My zhili togda na planete drugoy...»: Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya. 1920-1990 (pervaya i vtoraya volna)*, Vol. 4 pp. 124–126, Vitkovskiy Ye. V. (ed.), Moskva.
- Taskina Ye.P., 1994, *Neizvestnyy Kharbin*, Moskva.
- VMI, 1942, *Velikaya Man'chzhurskaya imperiya: K desyatiletnemu yubileyu, 1932–1942*, Gordeyev M.N., Kharbin.
- Yershov M.N., 1931, *Sovremennyy Kitay i yevropeyskaya kul'tura*, Kharbin.
- Yeshchin L.E., 2005, *Sobraniye stikhotvoreniy*, Moskva.
- Zabiyako A.A., 2008, *Sotsiokul'turnyy portret sozdateley «kharbinskoy noty»*, [In:] «Chetvert' veka bezhenskoj sud'by...» *Khudozhestvennyy mir liriki russkogo Kharbina*, Zabiyako A.A., Efendiyeva G.V. (eds.), pp. 39-51.
- Zabiyako A.A., 2014, «*Dikari pod bokom u Kharbina*»: *religioznaya zhizn' evenkov Severnoy Man'chzhurii v periodicheskoj pechati dal'nevostochnoj emigratsii*, «Religiovedeniye» № 4, s. 192-202.
- Zabiyako A.A., 2016, *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina*, Novosibirsk.
- Zabiyako A.A., Rezvy V.A., Efendiyeva G.V. (eds.), 2015, *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisateley. Arseniy Nesmelov: Materialy k tvorcheskoj biografii: Nauchnoye izdaniye*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.P. (ed.), 2009, *Russkiye i kitaytsy: etnomigratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke*, Blagoveshchensk.
- Zabiyako A.P., 2010, *Porubezh'ye*, «Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh» Vol. 9, pp. 5-10.
- Zabiyako A.P., 2015, *Na sopkakh Man'chzhurii: russkiy opyt iskhoda i diasporizatsii*, [in:] *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira*, Zabiyako A.P. (ed.), pp. 3-14.